

ВЕЧЕРНИЙ ЧАЙ

Петру Трубцежому

За окном унылый летний дождик моросит, и за вечерним чаем бабушка с дедушкой внучке сказки рассказывают, каких она никогда раньше не слыживала, да и не услышит больше никогда. Бабушка говорит монотонным неинтересным голосом, удивленно вертя в руках непонятно откуда взявшийся сырник. Забыла, что сама же их и напекла полчаса назад.

– Когда война началась и отца забрали на фронт, нам очень голодно стало. Мне было шесть лет, и мы с мамой и сестренкой четырехлетней пошли на поле колхозное, чтобы после уборки поля колоски и зернышки собирать, те, что не попали в комбайн. Эту сказку я никогда не рассказывала, потому что мне стыдно очень. Но тебе, деточка, я расскажу.

Действительно – почему ж не рассказать восьмимесячному ребенку, который ничего еще не понимает, даже о слове «мама» подозревает только. Она улыбкой своей неизменной ищет любви и понимания у бабушки с дедушкой, за что те очень свою восьмимесячную внучку любят. И бабушка от внученьки ничего не скрывает – дует и дует свою песню, как тот брандобрый.

Дедушка, правда, сегодня не в форме – сидит безучастно, и его недавно бритая голова с седым мальчишеским бобриком устало клонится набок,

и глаза его, раньше всегда смеющиеся, сегодня закрыты. Так что и не поймешь даже, смеются они сейчас или нет. Хотя... Смеются они, конечно, смеются. Дедушкины глаза не могут не смеяться, это даже восьмимесячный ребенок знает!

Бабушка монотонно и без эмоций продолжает исповедоваться восьмимесячному ребенку. А та, благодарный слушатель, улыбается любым словам бабушки.

– Вдруг налетел колхозный сторож с камчой. Я так испугалась, что совершила подлость, за которую мне и сейчас стыдно. И мне стыдно, что этот случай я в воспоминаниях своих опустила. Но тебе, внученька, я все расскажу! Я сказала сторожу, что это мальчик, с которым мы собирали колоски, меня подбил на это. А на самом деле было наоборот. Ему, как и мне, было шесть лет, но он был очень болен, внученька, – у него была астма. И он был единственный ребенок у мамы. А у меня еще сестренка была...

Тут бабушка вдруг скривила лицо и запела. Ее внученька тоже любит петь в полный голос, но бабушкина песня ей сейчас не понравилась. И она тоже скривила лицо и заплакала. Тихо, плачем обиженной женщины.

Тут все спохватились – мама кинулась чайник греть, а бабушка вдруг заулыбалась лучезарной улыбкой. И даже дедушка приоткрыл измученные добрые глаза и погрозил бабушке пальцем.

Он сегодня первый день, как не вышел в свой любимый огород поработать. Еще вчера он выходил и внученьку с собой нес, чтобы похвастаться. И она очень его одобряла. Да и как тут не одобришь – дедушка ее не только в Подмосковье выдающимся садоводом-огородником, но и в Узбекистане когда-то. Узбеки его так уважали, что приглашали его на большие тои плов приготовить. При этом он занимал высокую должность главного энергетика главного узбекского предприятия. И коттедж его государственный умопомрачительный находился в самом центре города, в минуте ходьбы от площади Ленина. И в центре города многие, кто заставал пятичасовое утро, наблюдали с открытыми ртами, как один из главных людей города выпасает корову, еще без галстука, в кирзовых сапогах. И все узбеки, от пастуха до министра, независимо от возраста, звали дедушку восьмимесячной улыбчивой девочки не по имени и не по отчеству даже, а Рустам-акя. В переводе на русский это означает дядя Рустам.

Только председатель Совета министров Узбекистана называл дедушку на ты. Потому что они студентами еще дружили, а годы спустя в соседних коттеджах жили. А еще мне помнится, как отец восьмимесячной внучки Рустама дочурку Гайрата на мотоцикле катал.

Рустам-акя снова прикрыл глаза, чтобы никто не видел, как тяжело ему умирается. И бабушка решила вспомнить что-нибудь повеселее из своего детства. Оказывается, колоски на колхозном поле они недолго собирали – мама заболела тифом. Что не удивительно, ведь воду они пили из арыка.

Забегая очень сильно вперед, должен сказать, что неграмотные они были тогда – я, например, в своем детстве воду из арыка пил не иначе, как профильтровавши через материю своих трусов.

Бабушка рассказывает, как мама их вела домой после работы. А четырехлетняя Фируза все плачет – зуб у нее болит. Ну и зашли по пути домой к врачу. Мама пошла с ребенком в кабинет, а сумку свою стеречь старшей оставила, шестилетней. Ну, шестилетними почти все из нас бывали – поет, пляшет, сумкой крутит будущая бабушка восьмимесячной улыбчивой внучки.

А в сумке возьми что-то да и разбейся. И потекло из нее. Оказывается, в сумку мама свой недоеденный обед положила – тушеную капусту. Она работала в детском саду, и там весь персонал кормили так же, как и детей коммунистического будущего.

Ну разбила и разбила. Подумаешь – тушеная капуста! Но моя бабушка пришла в совершенное бе-

шенство. Она бегом доволокла своих дочек до дому, нашла где-то жгут алюминиевой проволоки и принялась нещадно этим жгутом охаживать будущую бабушку. Она кричала:

– Ты хочешь, чтобы меня посадили, да?! Ты хочешь, чтобы меня посадили?!

Еле-еле ее соседки оттащили.

И вот я думаю, что лучше бы мне о пришельцах и попаданцах писать. Дольше бы, наверное, прожил. Только непонятно, зачем.

А дедушкина уставшая голова совсем безжизненно упала на грудь, и дальше бабушкиного рассказа он не слышал. И только рука его, лежащая на столе, продолжала держать чашку вечернего чая.

Батуми, 31.07.2017

«Я УВЛЕКАЮСЯ СПОРТИВНОЮ РЫБАЛКОЙ...»

Александр Белову

Прочитал я как-то у Сергея Тимофеевича Аксакова эпическое произведение про рыбалку. И подумалось – надо бы и мне, ведь я самый что ни на есть заядлый рыбак. У меня тоже произведение будет в нескольких главах, но общий объем, конечно, значительно меньше – пропорционально выловленной рыбе.

Сколько себя помню, всегда рыбалку любил. Она так часто снилась по ночам, как трепещущему всеми фибрами души жениху недоступная пока невеста. Понимаю, что сравнение неудачное, – и недоступность невесты вызывает недоумение, и склонность жениха к прелестям именно женского пола, – но я же говорю про то, что было раньше.

Мой папа одно время часто ездил с друзьями на рыбалку, и всякий раз они привозили кучу рыбы, буквально мешками, и даже огромных черепах, которые потом годами изничтожали наш огород.

Жили мы так далеко, что рыбачить им приходилось аж на Сырдарье. Была тогда такая река, а может, и сейчас есть, хотя столько с тех пор воды утекло, что даже представить себе невозможно, что вообще еще что-то есть. Рыбы там в самом деле было очень много: и жерех, и красноперка, и сом, и судак. Да, вот еще сазан, – чуть не забыл главное.

Местные жители никогда не рыбачили, им это было не в привычку, поэтому рыба там всякий страх потеряла и приобрела невероятные размеры. Говорят, сомы до пяти метров в длину вырастали (на всякий случай уточняю, а то вдруг кто-нибудь подумает, что в ширину).

Так вот, отец привозил так много рыбы, что пришлось нам на огороде даже коптильню соорудить. И заведовал коптильней исключительно я.

Однажды папа согласился взять меня с собой. Для этого я должен был встать в три часа ночи, причем сам, он меня будить не обещал, – видимо, хотел использовать последний шанс, чтобы отделаться от моей компании. Что такое будильник, у нас в семье просто не знали. Слышали о существовании такого прибора, но не представляли его практической ценности, ибо родители сами каждый день вставали не позже, чем в шесть утра, без всякого будильника.

Ночью я спал тревожно и проснулся без пяти три.

Так впервые я попал на рыбалку. Подробностей ловли не помню, было мне всего шесть лет. Помню только, что другой мальчик, сын друга моего отца, утопил тогда мой новенький игрушечный трактор. Несмотря на это, мы подружились, но трактора я ему до сих пор простить не могу и всякий раз требую моральной компенсации, когда он из тепер уже Риги приезжает ко мне на тепер уже Кипр.

Леска, размотавшись на полную длину, отвязалась от удочки, и поплавок, не желая далее делить со мной позор, отправился в одиночное плавание.

В последующие сорок с лишним лет я еще раза три рыбачил и окончательно понял, что это – мое. Поэтому когда встал вопрос о новом месте жительства, выбор мне облегчало знание того, что это будет только берег моря. Так я попал на Кипр.

Теперь надо было позаботиться о снаряжении. Перебирая в уме различные плавсредства (яхты, батискафы и проч.), я решил остановиться на резиновой надувной лодке. И через некоторое время купил ее – двухместную, с полным набором всего необходимого. Надул, вышел в море с удочкой. Сразу стало ясно, что, с учетом китайских стандартов, мне нужна была не двухместная, а как минимум шестиместная лодка. Я провалился куда-то глубоко, воткнувшись своей собственной «кормой», как якорем, в морское дно, а нос и корма лодки вздыбились и сошлись в одной точке, из которой выстреливали в небо, как две жемчужины между створками раковины моллюска, мои красивые ноги.

В таком виде я все же выгреб на оперативный простор, подальше от стыда, и закинул удочку. Леска, размотавшись на полную длину, отвязалась от удочки, и поплавок, не желая далее делить со мной позор, отправился в одиночное плавание. Я подналег на весла, чтобы вернуть негодника в лоно семьи, но перестарался, и одно весло с хрустом разломилось пополам. Теперь следовало подумать о том, как бы самому вернуться в лоно семьи, и, без сожаления бросив тщетную погоню за предателем, я стал грести к берегу тем, что осталось. Не без труда и не сразу, но все же мне удалось пришвартоваться, и под одобрительные взгляды загорающих я задумчиво поволок свое плавсредство к машине. Конечно, если бы не зрители, я бы его там же и бросил, но публике надо было показать, что все идет как задумано.

В общем, погнался поп за дешевизной. Я ведь давно приглядел замечательную четырехместную лодку в красивой коробке за пятьдесят евро, но – зашел в другой магазин и увидел эту, всего за семь. Ну и не удержался...

Впечатлений от рыбалки хватило на несколько месяцев, в течение которых я на берегу вынашивал планы новых морских приключений.

Дальше моя рыбацкая карьера складывалась так. На день рождения сосед подарил мне спиннинг и к нему всякий «фарш». Не имея представления, как это применить, я все любовно сложил в шкафу до лучших времен. И тем же летом лучшие времена настали. Я познакомился с двадцатилетним русским юношей, который, живя в Ирландии, каждое лето приезжал на Кипр навестить свою бабушку. Он оказался заправским рыбаком и обладателем двух спиннингов. Новый знакомый собрал мои снасти, и несколько раз мы ходили с ним на озера и на море. Правда, улов (если он был) всякий раз оказывался столь ничтожным, что приготовить из него ничего было нельзя, и я складывал его в морозилку, чтобы накопилось побольше. Пару раз мне попадалась крупная рыба – аж с сигаретную пачку, остальное было мелочью. Рыбу меньше спичечного коробка я не брал.

Потом юноша уехал, оставив мне свои снасти на сохранение до следующего года. Рыбу мои домашние, дождавшись, пока я забуду, потихонечку выбросили. А жаль, ведь следующим летом я мог бы набрать приличное количество – с учетом уже пойманного. Теперь придется начинать все сначала.

Ладно, пойду крючки точить.

* * *

На следующий год русский ирландский юноша на Кипр не приехал – он поехал навестить другую свою бабушку, в Австралию. Я все лето просидел на берегу, горестно глядя в горизонт и напрасно ожидая юного друга, покрывшего своей семьей весь земной шар, как покрывает все вокруг кромешной тьмой внезапно упавшее южное солнце. Посидев до осени и ничего не высидев, я угрюмо поплелся домой. Проходя мимо дома соседа, зашел, чтобы поделиться печалью о том, что эту путину (ударение на втором слоге) я пропустил.

Соседушка мой такой человек, что я ему могу все свои беды выложить и он всегда найдет, как меня приободрить. Так уж повелось с самого начала, как только мы с ним познакомились. Более того, он сразу же взял надо мною шефство, как старший

над младшим, хотя он и моложе меня на пятнадцать лет. Да и как могло быть иначе, он – человек исключительно умный и высокообразованный и по социальной лестнице стоит значительно выше меня. Вообще-то на этой лестнице я держусь за первую ступеньку двумя руками, чтобы не упасть еще ниже, и там немудрено быть выше меня. Но он очень, очень высоко стоит. Папа его в свое время был не то первым секретарем посольства СССР в Японии, не то вторым, но уж никак не третьим! И сын его, конечно, получил блестящее образование, он свободно говорит и пишет по-японски, по-корейски и по-китайски и уже подбирается к изучению татарского! А по-английски даже сочиняет пословицы и анекдоты, и некоторые из них уже вошли в оксфордские словари!

К моменту нашего знакомства мой будущий сосед был владельцем фирмы, крупнейшим производителем и поставщиком соуса васаби в мире. Я этот соус очень люблю и, как приду к нему, обязательно нахожу, где он от меня его прячет. У него красивая жена, роскошный дом с ботаническим садом в элитном поселке и автопарк из пяти единиц. На «Порше Кайен» его маленький сынок пугает подли-массольских ящериц. Я соседу, конечно, в подметки не гожусь, но он очень добрый и демократичный человек и даже во мне нашел что-то, достойное его внимания.

И вот я к нему ввалился и с ходу заявил, что этот год у меня прожит зря – мне не довелось порыбачить и поймать хотя бы гуппи или меченосца. Выслушав мои сбивчивые рыдания, он ленивым жестом указал мне на кресло, опустившись в которое я сразу был откинут вниз, а мои красивые (это, кажется, я уже писал) ноги, наоборот, вскинулись вверх, и в таком горизонтальном положении я наблюдал, как он, достав откуда-то бутылку виски и два бокала, занял соседнее кресло, благосклонно склонив голову набок. Мое кресло утробно урчало и производило какие-то манипуляции с моим телом.

Выпили. Помолчали. Кресло продолжало истязать мое тело. Еще выпили, и он, наконец, начал свой рассказ усталым голосом шкипера заваленного по ватерлинию сельдью судна. Оказывается, чтобы наловить рыбы, в море вовсе не обязательно выходить. Здесь, на Кипре, есть масса озер, водохранилищ. Сосед ездит рыбачить именно туда. И рыба пресноводная ему больше нравится.

– Так я ж пробовал в прошлом году на водохранилищах, – робко возразил я.

Он снисходительно, но негромко, с уважением к моему возрасту, рассмеялся. Оказывается, надо

знать, на какие водохранилища ездить. Вот у него есть пара секретных водохранилищ, где рыбалка и не рыбалка даже, а так – скукота. Он там ловит на спиннинг: закинул – вытащил, закинул – вытащил. Хорошие такие сазаны, карпы. Ну, он три раза закидывает, вытаскивает и уезжает домой – лишняя рыба не нужна.

– Скучно это и неинтересно, – позевывая и прихлебывая, говорит сосед. – Закинул – вытащил, закинул – вытащил...

Я аж выпрыгнул из цепких объятий олигархического кресла: а давай поедем, ты мне покажешь, где это: закинул – вытащил, закинул – вытащил...

– Ну, хорошо, хорошо, – успокаивал он меня, как ребенка, похлопывая по плечу, – в ближайшие выходные и поедем.

Я возликовал, а он вдруг спохватился подозрительно:

– А спиннинг-то у тебя есть?

– Ну как же, как же, ты же сам мне ведь подарил, – засуетился я, испугавшись.

В субботу мы ни свет ни заря выехали. С женой с вечера подготовились, она мне бутербродов всяких, одноразовой посуды, одежды собрала, а упаковку пива я сам приготовил.

В шесть часов утра темень – глаз коли. А мы в прекрасном солнечном настроении на соседском несусветном внедорожнике летим в горы. За окном шуршит ласковый ночной кипрский воздух, редко ударяют по стеклу капельки зимнего дождя, которого хватило бы, если собрать весь, на чайник чая.

Ехали часа полтора – я думал, наш остров меньше. Наконец, в каком-то живописнейшем ущелье остановились. Красивое такое место: скалы, обрывы, сосны и кактусы. Припарковавшись, сосед сказал, что здесь он обычно и останавливается. Вышли (после долгой дороги хочется сказать – спешились), размяли ноги. Он подвел меня к краю откоса – посмотреть на водохранилище. Я посмотрел – водохранилища не было. Было ущелье, поросшее молодой жизнеутверждающей растительностью, кое-где выросшей уже и под два метра, были камни – красивые, лежащие в тех же положениях, что и миллионы лет назад, когда их сюда кто-то зачем-то закинул. Не было только воды. Вообще никакой, даже ручейка. Правда, какие-то следы на противоположной скале давали возможность предположить, что здесь когда-то была вода, может быть, даже и не миллионы лет назад. Сосед, как мне показалось, потрясенный, молчал, я – тем более. Здесь можно было бы написать «молчание становилось невыносимым», но ничего подобного не могло быть в наших с соседской

Сосед, как мне показалось, потрясенный, молчал, я – тем более. Здесь можно было бы написать «молчание становилось невыносимым», но ничего подобного не могло быть в наших с соседкой взаимоотношениях – мы не тяготились паузами друг с другом.

взаимоотношениях – мы не тяготились паузами друг с другом.

Так же молча мы сели в машину и молча поехали домой. Дорогой я отошел от шока и начал с присутствующей мне дотошностью и без тени ехидства уточнять у соседа вес выловленных когда-то здесь рыб.

– Да я тебе клянусь, – кричал он, – вода там была! Тогда была!

Я не хотел с ним спорить, лишь кротко заметил, что в прошлые рыбалки мне хоть крючок удавалось намочить.

Дома нас ждали жены с хорошим уловом. Я свою с утра попросил освободить морозильник. Хорошо хоть, только два раза успел попросить: она у меня золотце, конечно, и послушная, но реагирует, как правило, только с третьего раза.

Ну, мы заехали на всякий случай на водохранилище возле наших домов, чтоб совсем уж не возвращаться, крючки не помочив. Закинули удочки, и я, наконец, вскрыл свою упаковку пива. Но сосед отказался, заявив, что с сегодняшнего дня вообще пиво пить не будет, потому что от него поправляются. Видно, все-таки его сильно ударило увиденное в ущелье, если вдруг потянуло на такие революционные решения.

Солнце в зените, я в нирване, пиво не успело сильно согреться, поплавок мой тоже не беспокоился. Но главное – крючок стал наконец мокрым. Рядом суетился друг, заговорщически шепча о другом водохранилище – близ Пафоса, куда мы отправимся в следующую субботу.

Да-да, мы обязательно туда отправимся, обязательно. Непременно. Буквально в следующую субботу. Поедем. И это будет счастье.

И вам того же.

В следующую субботу мы никуда не поехали. Потом опять не поехали, потом еще раз никуда не поехали... Все некогда как-то.

Так прошел год. И тут из Москвы на Кипр приезжает навеки поселиться еще один мой друг. Быстренько покупает квартиру с видом на море, удочку, наживку, отвозит молодую жену в роддом за очередным сыном и приходит ко мне:

– Собирайся, на рыбалку едем!

Я кинулся искать свои снасти. Нашел в укромном уголке в гараже, разогнал ящериц, распутал паутина, а он меня все подгоняет нетерпеливо:

– Давай-давай, пошевеливайся!

Его нетерпение передалось и мне, я схватил свои снасти в охапку и, натягивая на бегу шорты и шлепанцы, потрусил за ним. Мы не стали искать какое-то особо обильное рыбой водохранилище, а поехали на ближайшее, в пяти минутах от моего дома. Новообращенный киприот в нетерпении трясся, как марафетчик, отлученный от шприца, и до другого водохранилища я боялся его не довести. Добравшись до места, мы выскочили из машины и, рискуя поломать конечности, кинулись по камням к воде. Несколько случившихся рядом кипрских рыбаков с удивлением смотрели на нас. Здесь вообще-то все делают неспешно, даже пожар тушат. А уж рыбу ловить сам бог велел вдумчиво и не спеша.

Я с удовлетворением отметил, что мой новый компаньон – рыбак еще более заядлый, чем все предыдущие. Просто бредит рыбалкой. Мы закинули удочки, и он стал рассказывать, каких невероятных монстров он вылавливал у себя на даче в Подмоскovie. Подобных рассказов я наслушался множество за последние несколько лет, но все равно слушал внимательно – его бред был особенно хорош. Тем более что эти рассказы очень органично сочетались с наблюдением за умершим и уже начинающим протухать поплавок.

Так мы в этот день ничего и не поймали, зато я обогатился свежей порцией рассказов о рыбных ловлях редкой удачи. О том, как уберечься, если попадетесь особенно крупный экземпляр, чтобы тот не утащил тебя на дно озера, о том, как надо готовить пойманную рыбу, о том, как надо ее заготавливать впрок, если видишь, что за неделю пойманное не съест.

После рыбалки мы сидели у меня на веранде и пили чай с усталостью вернувшихся с долгой пу-

тины профессионалов. Меня вполне удовлетворила сегодняшняя рыбалка, и я уж думал законсервировать свои снасти до следующего года, но мой друг имел иные взгляды на будущее:

– Я все понял! Мы сделали неправильные снасти.

Здесь надо ловить по-другому. Завтра снова пойдем!

Я не очень поверил насчет завтра, но на всякий случай удочки далеко прятать не стал.

Завтра ни свет ни заря он уж был у моих ворот. И мы отправились на вчерашнее водохранилище. Но для начала он пообрывал с моих снастей крючки, поплавки и грузила и навязал новые. Дорогой рассказывал, какую чудную наживку вчера купил и какую невероятную прикормку наварил.

– Надо только глины туда добавить! – завершил он рассказ о прикормке.

Очень скоро выяснилось, что мы ну просто созданы для совместной рыбалки и очень хорошо дополняем друг друга – я почти ничего не вижу, а он почти ничего не слышит.

Я, конечно, и раньше знал, что он глуховат, но теперь открыл для себя, что он не глуховат, а глух, как тетерев. Просто раньше ему удавалось это искусно скрывать, внимательно следя за губами собеседника. И еще он на всякий случай все время улыбался, чтобы не пропустить удачной шутки или анекдота. Теперь же, когда он смотрел на поплавок, а не на меня, можно было орать что угодно, – он никак не реагировал и даже не улыбался.

Но мы быстро приспособились извлекать пользу из своих недостатков и в соответствии с этими недостатками распределили обязанности – он привлекает мне крючки и подсказывает, в какой части озера мне высматривать свой поплавок, я же слушаю его рассказы, не перебивая и не переспрашивая, – что все равно было бы бесполезным. Главной его помощью было время от времени поглядывать, куда направлен мой взор, не потерял ли я еще из виду свой поплавок, и если я беспомощно шарил глазами по водной глади, он камешком показывал мне, куда смотреть.

Терпение и труд все перетрут, я это всегда знал. Рыба пошла. Первый улов, штук пять рыбин общим весом в полкило, мы съели тут же, на берегу, благо мангал был с собой. Я оказался непревзойденным чистильщиком рыбы – мне было достаточно только пару раз провести ножичком по ее бокам, чтобы понять, что она уже без чешуи. Во всяком случае, благодаря особенностям зрения я чешуи не видел.

Потом мы стали ездить и по другим водохранилищам, подальше. Разные бывают дни, но совсем без

рыбы мы возвращаемся редко. Весь улов, сколько бы его ни было, неизменно отдается мне, потому что рыба очень полезна для глаз, как говорит мой всезнающий друг. Мне бывает неловко, всякий раз хочется отдарить его чем-то полезным для слуха, но чем? Молодильные яблоки у меня не растут. Слуховым аппаратом?

В промежутках между рыбалками мой друг выходит в море с подводным ружьем. Здесь я ему составить компанию пока не решаюсь, несмотря на его настойчивые приглашения – боюсь ненароком подстрелить своего благодетеля. С кем мне тогда рыбачить?

Подстреленную в море рыбу он тоже всю отдает мне, потому что жена ему с некоторых пор вовсе запретила с рыбой домой приходить.

А мне эта здоровая пища впрок – я очень постройнел, покрасивел! Лучше видеть, правда, не стал и не помолодел. Надо бы попробовать все-таки поэкспериментировать с молодильными яблоками.

